

Холодный пронизывающий ветер проносил с собой ледящую стужу, пронзая его грудь насквозь. Эта ладная золотисто-железная механическая мощь превосходила физическую силу любого бугая.

Убийца глухо застонал, от мощного удара арбалетного механизма его отбросило назад, и на мгновение он замешкался. Наследный принц тут же развернулся и бросился к выходу, открывая рот, чтобы позвать на помощь.

Но тут он внезапно услышал за спиной свист рассекающего воздух ветра, в поле зрения мелькнула человеческая тень, а бурная струя воздуха погнала за собой его длинные одежды. Лю Юби мысленно выругался, мгновенно развернулся, крепко зажав в руках чисто железный арбалет, собираясь снова выстрелить. Ассасин же двигался легко, словно парящие тучи, и стремительно, будто молния: одним молниеносным прыжком он оказался прямо перед ним. Наследный принц на секунду зажмурился, а когда снова открыл глаза, тот уже извивался всем телом подобно змее, подбираясь вплотную, и, ни капли не страшась бьющей фонтаном из груди горячей крови, взмахнул длинным мечом. Наследный принц в ужасе заметался назад, а зажатый у него на груди короткий чисто железный арбалет противник разрубил мечом надвое, и обломки взмыли в воздух.

Руки Лю Юби опустели, и его охватил ужас. Его арбалет в одно мгновение оказался рассечен надвое и был отброшен в сторону.

Он внезапно оказался лицом к лицу с свирепым и безжалостным головорезом — безоружный.

В этот момент столы, стулья, чашки и блюда в комнате разлетелись во все стороны.

Эта схватка и нападение отличались исключительной стремительностью и плавностью, нападавший действовал хладнокровно, опытно, сообразительно и бесстрашно. Получив тяжелое ранение среди сотни забот, он ничуть не растерялся: его тело двигалось вслед за мечом — рывок, сосредоточение, поднятие клинка, рассечение арбалета надвое и прочие движения слились в единое целое. Он мгновенно переломил ход событий, проявив мастерство импровизации в бою во всей красе; его действия напоминали вспыхивающие искры — столь же ослепительные и быстрые.

Нападавший был облачен в евнушеские одежды желтого цвета, а зажатый в его руке сверкающий меч слепил глаза и резал железо словно грязь. Его широкий меч рассекал воздух с силой, способной смести целую армию, обладал сокрушительным и ни с чем несравнимым напором. На пороге смерти он уже ни о чем не заботился, бросившись вперед и нанося смертельные удары один за другим, не давая наследному принцу ни повернуться для бегства, ни открыть рот и позвать на помощь. Преисполненный безумной отваги, пренебрегая тяжелой раной в груди, он вплотную подскочил к наследному принцу, размахивая мечом то влево, то вправо, и в пределах досягаемости рук проводил жесточайшие приемы, жаждая прикончить наследного принца с одного удара. Лезвие его меча срезало на лету даже волосы, двигаясь с неостановимым натиском.

Наследный принц Лю Юби лишился оружия для самообороны. Хотя он владел боевыми искусствами и повидал на своем веку немало опасностей, он все же не был свирепым отморозком, готовым идти до конца. Стоило пройти паре-тройке ударов, как убийца загнал его в угол, заставив пятиться назад — в жалком и смертельно опасном положении.

Вроде как говорится, что истинный убийца не оставляет следов, убивает с первого же удара и вершит свое дело в одно мгновение. И сегодня этот ассасин под личиной евнуха был истинным мастером своего дела: узкоспециализированным, свирепым, бесстрашным орудием высшей пробы. Он не уступал древним Чжун Чжуню и Яо Ли, являя собой живое воплощение Цзин Кэ.

Яркая луна косо освещала кирпичный пол комнаты, отражая мечущиеся туда-сюда тени, двигавшиеся с невероятной быстротой.

Лю Юби понимал, что противник тяжело ранен и тянет время. Не теряя самообладания в спешке, он продолжал кружить с ним. Внезапно удар вражеского клинка сбил его с ног, и тот, придя в дикий восторг, бросился вперед, занося меч для смертельного удара. Лю Юби перевернулся и вскочил на ноги. Убийца неотступно следовал по пятам, не отставая ни на шаг. Они оба то падали, то поднимались, то совершали резкие прыжки, неотступно преследуя друг друга.

Лю Юби внезапно бросил:

— Посмотрим, сколько еще вытечет твоя кровь?!

Убийца замер на секунду, зависнув в этот момент в воздухе, и вдруг почувствовал головокружение и слабость во всем теле. Силы в ногах мгновенно оставили его. Кровь закипела в жилах, а рана на груди зафонтанировала. Струя ударила прямо в грудь стоявшему впереди Лю Юби. Сам же он рухнул из воздуха на пол.

Лю Юби пришел в восторг и бросился напрямик к выходу. За пару шагов между ними образовалась безопасная дистанция. Если бы убийца захотел броситься в погоню, он бы уже не успел. Они оба прекрасно понимали: стоило Лю Юби выскочить за дверь и крикнуть, как постоянный двор заполнился бы проснувшимися императорскими стражниками, которые растоптали бы врага единым махом, превратив в фарш даже в количестве нескольких сотен человек под градом тысяч клинков.

Ассасин хотел броситься в погоню, но было уже поздно.

Опрокину навзничь, он вскочил, и его тело рухнуло прямо на лежавшего на полу Чжуан Цзяня. Убийца тут же взмахнул рукой и вонзил меч в руку Чжуан Цзяня. Чжуан Цзянь изначально терпел молча, но от внезапного удара клинка пронзительная боль заставила его испустить отчаянный вопль.

Лю Юби резко замер на месте! И, откликнувшись на крик, обернулся.

Убийца с ожесточенным выражением лица опустился на колени рядом с Чжуан Цзянем и снова полоснул того по руке. Его меч легко резал железо, мгновенно срезав кусок плоти. Чжуан Цзянь снова вскрикнул от боли.

Убийца вперил взгляд в Лю Юби и прошипел:

— Шагни еще хоть раз!

Лицо Лю Юби страшно изменилось, его затрясло всем телом. Он сдавленно выдохнул:

— Ты! Ты не... не смей трогать его!

Глава 3

Как только эти слова сорвались с губ, лица всех троих переменились.

Ситуация на поле боя тоже изменилась.

Пришедший убить наследного принца человек тут же поднял меч и со злобой вновь опустил его на плечо Чжуан Цзяня, процедив сквозь зубы:

— Тебе больно, да? Тогда опустишься на колени!

Получив еще один удар, Чжуан Цзянь пришел в себя, побледнел и крепко стиснул зубы, больше не издав ни звука.

Лицо Лю Юби посинело и побелело, его одежды крупно дрожали. Стоило ему лишь на миг замешкаться, как тот человек снова занес меч для удара.

Лю Юби лишь казался грозным, но внутри был пуст; несмотря на напускное спокойствие, у него дрожали губы, а глядя на Чжоу Вэйчжуаня, истекающего кровью, он больше не мог строить из себя храбреца. Он с глухим стуком рухнул на колени.

Видя, как тот опустился на колени, Чжуан Цзянь судорожно сжался лицом, и его затрясло всем телом.

Убийца посмотрел на это с видом крайнего неверия, замер на мгновение, а затем разразился хохотом. Словно увидев самую нелепую и смешную вещь на свете, он хохотал так, что сгибался пополам, и на глазах выступили слезы. Он вцепился в шею Чжуан Цзяня, заставляя того содрогаться всем телом.

— Лю Юй, ах Лю Юй, неужто ты и впрямь тот самый Лю Юй? — хохотал убийца. — Неужто ты и взыравь тот самый Лю Юй, который в былые дни из-за малейшего несогласия казнил воинов

Восточного дворца, а их головы отсылал в подарок канцлеру?! С чего это ты вдруг стал мягок и беспомощен, как девчонка?!

Чжуан Цзянь лежал лицом в землю, молча сжав зубы, а перед глазами у него все заволгло влажной пеленой.

Лицо Лю Юби исказилось от невыносимой боли, а голос дрожал:

— Бери золото, серебро, власть — всё что угодно! Только, умоляю, не трогай его!

Тот человек отсмеялся, впери в него налитые кровью, готовые лопнуть глаза:

— Не нужны мне ни золото, ни серебро, ни власть! Мне нужна только твоя жизнь! Лю Юй, тот воин Восточного дворца Тэн Чжи, которого ты убил, был моим родным младшим братом! Когда ты убил его ради демонстрации своей мощи, думал ли ты, что настанет и твой день?!

Сердце Лю Юби разрывалось на части — эта месть была кровной! Никаким золотом и властью ее было не загладить! Стоя на коленях, он попытался исправить положение:

— Все это дело рук исключительно меня одного, с Чжоу Вэйчжуанем он никак не связан, отпусти же Чжоу Вэйчжуаня!

Убийца Тэн Юнь проскрежетал зубами:

— Я хочу, чтобы ты умирал с ясными глазами! Лю Юй, оказывается, и у тебя есть то, от чего ты не можешь отказаться! И у тебя есть тот, кем ты дорожишь! А я-то думал, что ты бездушен и бесчувствен, и потому тебе неведома боль утраты! — с этими словами он снова ткнул мечом в плечо Чжуан Цзяня.

Поняв по суровому тону убийцы, что миром разойтись не удастся, Лю Юби смотрел, как вокруг Чжоу Вэйчжуаня лужа крови становится все шире и шире, казалось, будто вся его кровь вытекла до последней капли. Эта багровая кровь пестрила перед глазами, разрывая сердце на куски.

Лю Юби видел, как Чжуан Цзянь молча стискивает зубы, преодолевая боль и не издавая ни звука. Эта безмолвная боль ранила его еще сильнее, словно кусок за куском срезая его собственное сердце. Его внутренности скрутило от боли, они превратились в кашу; прекрасно понимая, что сейчас нельзя терять самообладание, он долго удерживал слезы, стоявшая в глазах влага жгла веки, но в конце концов он не выдержал.

Горячие слезы градом скатились по его лицу, а в душе воцарилось смятенное, потерянное отчаяние. Ослепленный тревогой за любимого, он потерял ориентиры и, охваченный паникой, охрипшим голосом взмолился:

— Чжоу Вэйчжуань, скажи... тебе ведь... очень больно, да?

Чжуан Цзянь мысленно обругал этого дурака последними словами. Он бы и рад выругаться: мол, если бы ты просто развернулся и выбежал за дверь, один крик созвал бы стражу, так почему же ты не можешь убить этого ассасина?! Или он, Чжуан Цзянь, не умеет притворяться мертвым?!

Да только слова застряли в горле — из-за раны на шее он не мог произнести ни звука, лишь слезы застилали глаза, и при каждом моргании капли падали в лужу крови.

Как же этот дурак так и не научился заботиться о самом себе? Как не научился спасать собственную шкуру?!

Разве можно с таким характером взойти на императорский трон?

Как можно оставлять его в покое при таком раскладе?

Неужели консорт Чжан в прошлом и императрица ЦАО в настоящем доверили ему заботу о своих сыновьях лишь для того, чтобы он, Чжуан Цзянь, нарушив свое обещание дважды, отправился прямиком в подземное царство к владыке Яньлуо?

Да даже умирая, Чжуан Цзянь не обретет покоя... О чем он вообще плачет?!

Лю Юби, стоя на коленях, горько рыдал. Прежде он всегда был суров и непреклонен, а его железное сердце скрывалось за строжайшей сдержанностью. Но сейчас, видя страдания Чжуан Цзяня, он словно обнажил саму суть своей души. В его сердце Чжоу Вэйчжуань давно перестал быть простым человеком: он стал для него отцом, матерью, братом, возлюбленным — тем, с кем он разделял жизнь и кого ни за что не хотел отпускать.

Его родители и братья, самые близкие люди в этом мире, уже погибли либо отделились в холодном равнодушии. Всю свою удесятеренную тоску и страсть он сосредоточил на одном лишь Чжоу Вэйчжуане, всю свою привязанность замкнул на нем. И теперь, видя, как этот человек гибнет из-за него, он разделял всю боль целиком — так, будто заново переживал страдания от потери матери и брата, падения в пропасть и смертельной опасности, бедствий и скитаний. Он не мог вынести и крупницы этой боли.

Лю Юби в голос зарыдал:

— Видя, как ты ранен, мое сердце разрывается от такой боли! Чжоу Вэйчжуань! Я лучше умру сам, чем позволю тебе пострадать! Мое сердце так болит! — его искренние чувства выплеснулись наружу, душа металась, и он громко, беспомощно плакал и каялся, заливаясь слезами.

Эти слова были сказаны от всего сердца, исходили из самой глубины души. В обычное время, даже если бы меч висел у него над горлом, он бы ни за что не произнес подобного. Но сейчас, глядя на тяжелораненого Чжуан Цзяня, поверженного ниц и подвергающегося пыткам и

издевательствам удар за ударом, он оказался совершенно беспомощен, растерян и охвачен таким ужасом, будто рушились сами небеса.

В этот момент ситуация словно вернула его в те дни раннего детства, когда он ежедневно балансировал на грани жизни и смерти, блуждая в ночи без сна и утешения, изнуряемый горькими слезами и не видя выхода. И тогда он потерял контроль над собой, буквально лишившись рассудка.

Чжуан Цзянь лежал лицом вниз, его лицо и губы страшно побелели, душа леденела и улетала прочь. В его голове билась лишь одна мысль: он проклинал убийцу за то, что тот медлит и не убивает его сразу, заставляя слышать подобные речи и терпеть эту раздирающую душу, невыносимую боль изощренных пыток.

Каждый год он возносил молитвы и сжигал поминальные бумажные деньги для усопших, ежедневно творил добрые дела и не вредил даже букашкам. Почему же в этом мире так много грешников, но раз за разом лезвие клинка кромсает именно его сердце?

Горячие слезы градом катились по его лицу и тут же капали в багровую кровь, растворяясь в ней словно чистая вода.

Пересекая пыльный мир смертных, каждый следует лишь велениям собственной судьбы. К чему делить чувства на безумные, страстные, ветреные, нежные, равнодушные, преданные или глубокие? Всякие чувства каждый взвешивает сам и бережет сам.

Никто не в силах угрозой клинка заставить человека полюбить себя, ведь каждый дорожит лишь собственными чувствами! Если ты сам полон страсти, но тревожишь чужое бесчувствие, попусту тратишь мысли и вкушаешь горечь холодности — ты сам навлекаешь на себя беду. Как можно заставлять чье-то ледяное, бесчувственное сердце падать в пучину брэнного мира и претерпевать муки глухой ночи, бескрайнего моря страданий и пылающего дома?

Чжуан Цзянь презирал сердечные привязанности и хотел лишь выжить, но божества не давали ему ни светильника во тьме, ни ладьи для переправы через море страданий, ни живительного дождя для горящего дома!

Ассасин Тэн Юнь уже занес клинок прямо перед грудью наследного принца и собирался полоснуть по его вороту. Наследный принц, обезумев от слез, сам подался вперед, и клинок распорол ему грудь. Одежда распахнулась от порыва ветра, но Лю Юби не отступил, а напротив — подался навстречу, бросившись прямо на убийцу. Тэн Юнь в испуге отклонил клинок, и острое пронзило правое плечо принца насквозь.

Не обращая внимания на торчащий в руке меч, Лю Юби кинулся вплотную к противнику. Протянув руку под Тэн Юнем, он подхватил Чжуан Цзяня, а его горячие слезы градом капали тому на лицо. Крепко обхватив Чжуан Цзяня обеими руками, он в слезах закричал:

— Чжоу Вэйчжуань! Как же ты... как же ты потерял столько крови?!

Заливаясь слезами, он то и дело стирал кровь с тела Чжуан Цзяня и приговаривал:

— Чжоу Вэйчжуань, во всем виноват я, я так перед тобой виноват!

В затуманенном сознании Чжуан Цзянь увидел обнаженную кожу на месте разорванного ворота на груди принца, где виднелся едва заметный шрам от удара мечом. Десять с лишним лет назад на обрыве именно этот удар сбросил его вниз. Все эти годы рана неизменно саднила и в сердце Чжуан Цзяня, а узрев ее в этот самый миг, он почувствовал, как его душа окончательно отделилась от тела, устремившись ввысь и растворяясь легкой дымкой...

Протянув свободную руку, он нащупал лежавший на полу арбалет. Сквозь боль приподняв его рядом с наследным принцем, он чуть дрожащими пальцами коснулся латунного ложа. На ладони медного арбалета имелись прицельные деления. Это был многозарядный арбалет, способный выпускать три стрелы подряд. Точно таким же принц мгновение назад пронзил грудь Тэн Юня, хотя убийца ударом снизу и расколол половину арбалетного ложа, но сам пружинный механизм не пострадал. На направляющей оставалась еще половина железной стрелы со срезанным наконечником. Генерал тяжелой конницы Пэй Лян искуснее всех умел командовать отборными арбалетными отрядами, перед которыми в ужасе бежала конница хунну. Генерал велел изготовить из чистой меди многозарядные арбалеты и преподнес их наследному принцу. Мощные арбалеты и длинные алебарды, разящие во все стороны — в этом и заключалось главное преимущество ханьцев.

Перед глазами Чжуан Цзяня все расплывалось. В этот критический момент он наконец вымолвил правду, произнеся первые искренние слова за последние десять лет:

— Это я... виноват перед тобой, Лю Юби.

Он вскинул арбалет и легко нажал на спусковой крючок. Раздался глухой звонкий щелчок, и в тишине прозвучал долгий затихающий эхом тон. Лю Юби вздрогнул от испуга. У самого его уха пролетела стрела — обломок железа со свистом рассек воздух. Подобно падающей звезде, догоняющей луну, он летел с ослепительной скоростью. Летящая стрела мчалась быстрее ветра и свирепее тигра, словно метнутое копье, в одно мгновение перевернув ход событий.

Обломок стрелы со свистом рассек воздух и вонзился аккурат в межбровье Тэн Юня. Обеими руками закрыв лицо, убийца рухнул на землю под страшным натиском летевшего с колоссальной силой железного болта...

Лицо Чжуан Цзяня было сплошь залито горячими слезами Лю Юби, его ресницы намокли от чужой боли:

— Я виноват перед тобой, Лю Юби.

Ночь была глубокой и морозной.

Окна и двери комнаты плотно закрыты. Чжуан Цзянь и Лю Юби с замирающим сердцем наблюдали, как убийца Тэн Юнь катается по полу, закрывая лицо руками, пока его дыхание не затихло окончательно и он не скончался в полной тишине.

Лю Юби припал к полу, крепко прижимая к себе Чжуан Цзяня, и тот обнял его в ответ. Они сжались в крепких объятиях, и их тела крупно дрожали.

Наследный принц дрожал, словно в лихорадке, будто возвращаясь из самого преисподней. Крепко прижав к себе Чжуан Цзяня, он не утерь слез на лице, а его зубы отбивали чечетку:

— Чжоу Вэйчжуань, ты ведь не умер?

Чжуан Цзянь протянул руку, обнимая его за спину, и успокоил:

— Я не умер, еще жив.

Принц уткнулся ему в грудь, прижавшись щекой к плечу, и продрогшим голосом произнес:

— Ты не можешь умирать, без тебя я буду так одинок! Я ведь не смогу жить!

В сердце Чжуан Цзяня шевельнулось глубокое чувство: это были искренние слова, шедшие из самой глубины души. Только после того, как Лю Юби опустился на колени и ради спасения его жизни отрекся от собственного спасения, он до конца поверил ему.

Слегка повернув голову, он коснулся губами лба Лю Юби и промолвил:

— Такой злодей, как я, так просто не умрет.

Лицо Лю Юби мгновенно вспыхнуло. Приподнявшись, он долго смотрел на Чжуан Цзяня, а затем опустился ниже и припал к его губам. Обхватив его за шею, он целовал его снова и отново, после чего прижался щекой к его щеке и прошептал:

— Чжоу Вэйчжуань, ты ведь всегда будешь жить со мной рядом?! Ведь так?!

Чжуан Цзянь позволил ему целовать себя и, закрыв глаза, молчал.

Горячая слеза Лю Юби вновь упала на лицо Чжуан Цзяня:

— Я хочу услышать из твоих уст, что ты будешь вечно жить со мной рядом?! Ответь, Чжоу Вэйчжуань!

Кожа на лице горела от обжигающих слез, от этого жжения лицо сводило судорогой. Открыв глаза, он увидел, что его собственные веки наполнились влагой.

Лю Юби закрыл ладонями рот, а слезы капали сквозь пальцы.

— Давай займемся этим.

Чжуан Цзянь широко открыл глаза, остолбенел и задрожал всем телом:

— ?

Лю Юби крепко обнял его, целуя сквозь слезы, и повторил:

— Чжоу Вэйчжуань, давай займемся этим.

Чжуан Цзянь едва мог дышать, его лицо побелело, пересохший рот не позволял вымолвить ни слова, и он лишь в ужасе таращился на Лю Юби. Всегда гордый и надменный, сейчас тот сам умолял о близости — разве мог он отказать ему вновь?

Целуя его в щеки, Лю Юби дрожащими пальцами стал распускать собственные одежды и, приближаясь шаг за шагом, тихо проговорил:

— Чжоу Вэйчжуань, я больше не позволю тебе отказывать мне.

Сегодня я позволю тебе взять меня — это будет первый и последний раз, а впредь брать буду только я.

Он наступал шаг за шагом: в мерцающем свете свечей его выражение лица казалось то ли обиженным, то ли зачарованным, угольно-черные пряди отливали синевой, белоснежная кожа сияла чистотой, а несравненная красота и потрясающее очарование пробирали до глубины души. И глубина его чувств была неизмеримо тяжелее любых слов.

Одурманенный и потерявший рассудок Чжуан Цзянь чувствовал, как у него отнимаются руки и ноги, а на губах застыла горькая улыбка:

— Нет...

Пальцы Лю Юби уже легли ему на колени, и, глядя на него сверху вниз, он произнес:

— Чжоу Вэйчжуань, ты ведь всегда будешь со мной? Правда? — с этими словами он взял руку Чжуан Цзяня и прижал к своей груди.

Пальцы Чжуан Цзяня нащупали шрам на его правой стороне груди, и его сердце вновь расколосось надвое. Он опустил голову и тихо заплакал.

Прекрасный вечер, чудесный вид и чистосердечное признание — о чем еще мечтать тому, кто обрел родственную душу? Почему же от этого ему хочется плакать, не поднимая головы?

Кожа под пальцами была нежной и гладкой, словно втягивая в себя прикосновение. Дрожащими руками Чжуан Цзянь касался его груди, не смея сдвинуть ладонь хоть на миг, но и не имея сил отнять ее.

Лю Юби прикоснулся к его лицу, а его чистые, как вода, глаза излучали искренность. Душа Чжуан Цзяня улетела прочь, у него не было ни смелости противиться, ни лица, чтобы выдержать это. Неизвестно откуда взявшиеся силы позволили ему с трудом оттолкнуть руку Лю Юби, и он, спотыкаясь, попытался броситься прочь. Но от охватившей его паники и слабости в тяжелораненном теле ноги подкосились, он зацепился за подол длинных одежд и рухнул на пол.

Едва он попытался подняться, как на него обрушилась тяжесть — Лю Юби уже навалился сверху. Крепко прижав Чжуан Цзяня к себе, он прошептал ему на ухо:

— Чжоу Вэйчжуань, ты собрался бежать? А вот я не позволю.

Властной рукой он раскинул пятипальцы, распахнул одежды Чжуан Цзяня и, скользнув рукой ниже, коснулся его тела...

В смятении и трепете мыслей Чжуан Цзянь смутно думал о том, что в человеческой жизни эта бурная страсть должна была стать высшим блаженством. С той самой встречи в загородном дворце Сяньяна, когда ему было семь лет, и до воссоединения в Чанъани спустя десять лет — все эти годы вились прочной нитью, сплетаясь в неизбежный кармический узел. И коль сегодня удалось исполнить заветное желание и предаться любовной утехе с ним, то даже если сократится отпущенный ему срок и он умрет на месте, эта жизнь прожита не зря.

Такая грандиозная любовь казалась чем-то, чему можно лишь покориться, не имея ни единого шанса отказаться.

Лю Юби бормотал:

— О чем ты плачешь, Чжоу Вэйчжуань?

Задыхаясь от слез, Чжуан Цзянь не мог вымолвить ни слова.

С малых лет он страдал неизбывной страстью к плотским утехам, радуясь каждому новому лицу и наслаждаясь красотой. Он был падок на красоту, влюбчив и ласков. Полюбив пленительного наследного принца и пройдя с Лю Юби через испытания жизнью и смертью, он обрел с ним душевное единение, а воочию увидев, как тот ради него умолял о жизни на коленях, почувствовал, как узел в его сердце наконец-то немного развязался. К тому же Лю Юй сам обхватил его за шею и запросил ласки. Проникновение в самое сокровенное исполнило его заветную мечту.

Он сам жаждал его, но вышло так, что теперь жаждали его самого?

Сердце переполняли чувства, а жар страсти не давал покоя. В эту ночь при свете свечей и тепле пологов они сливались воедино, чтобы рассеять холод. Опыленные душой и преисполненные жадной страсти, они сплелись телами, касаясь губами и зубами, словно желая излить весь накопленный жар в самую глубину лона, выплескивая переполнявшие душу потоки крови и чувств. Непрекращающиеся стоны и волны нежности следовали одна за другой.

Лю Юби впервые испытал подобное: боль присутствовала, а вот наслаждения не доставало. Но поскольку Чжоу Вэйчжуань давно занимал все его мысли, он терпел это из желания угодить и сделать ему приятно. По мере того как дело шло к концу, легкая боль уступила место взаимной заботе, так что оба остались вполне довольны.

Переплетая ноги и обнимая за шею, они толкались навстречу друг другу, высунув языки от усердия, и в самые пылкие моменты были готовы сорвать друг с друга кожу и плоть, чтобы слиться в единое целое и улететь парой неразлучных бабочек.

Яркая луна за окном освещала полутемную комнату, полотна постельных занавесей мерно колыхались. Тени слились в единую линию, а за окном на них отбрасывали свои изломанные тени раскидистые сухие ветви деревьев.

На первый взгляд в этом мгновении казалось непонятным: то ли это качались тени деревьев? То ли порхали человеческие силуэты? А может, дрожало пламя свечей? Багряный свет свечей отбрасывал искривленные тени на расписанную пионами и бабочками ширму. Дым благовоний струился из золотой курильницы, шелковые полотнища развевались, силуэты цветов и парящих бабочек сплетались воедино, несмолкающие голоса перекликались с изгибами прекрасных тел. Казалось, будто люди ожили прямо внутри золотой бумажной ширмы, превратившись в картину, а сама картина ожила в людях.

<http://bllate.org/book/21149/2144287>